

Из крана потекла ледяная вода. Времени ждать, пока она прогреется, не было. Косака пустил руки под холодную струю, и она тотчас высосала всё тепло из его кистей. Он закрутил кран, намылил ладони и тщательно их промыл, а затем вновь включил воду. Даже когда всё мыло было уже смыто, он продолжал держать руки под водяным потоком. Где-то через две минуты водонагреватель наконец вспомнил о своих обязанностях, и проточная вода начала нагреваться, однако пальцы Косаки окоченели настолько, что он не мог отличить горячую воду от холодной.

Он завинтил кран и аккуратно вытер руки бумажным полотенцем. Закрыв глаза, он поднёс одеревеневшие кисти к лицу и сделал вдох носом. Убедившись, что они не источают никакого запаха, он принялся натирать их стоявшим на столе спиртом. К нему постепенно возвращался покой.

Вернувшись в гостиную, он бросил своё тело на кровать. Сквозь щель между белыми занавесками с трудом просачивался свет; на улице могло быть как раннее утро, так и поздний вечер. Но в любом случае время не являлось важной составляющей в жизни этого человека.

Снаружи слышались детские голоса, доносящиеся от расположенной неподалёку начальной школы. Их радостные крики временами наводили на него чувство удушающей тоски. Косака включил стоявшее у кровати радио и настроил его на первую попавшуюся частоту. Приевшаяся всем старая песня перекрыла визг детей.

С момента ухода со своей последней работы Косака не предпринял ни одной попытки устроиться вновь, лишь монотонно тратил свои сбережения и весь день проводил в кровати, притворяясь, что о чём-то размышляет. Естественно, на самом деле ни о чём он не размышлял. Просто старался поддерживать соответствующий вид. Я сохраняю жизненные силы на более подходящий момент, — думал Косака. Правда, он сам не знал, когда именно этот «более подходящий момент» настанет.

Раз в неделю он с неохотой ходил в магазин, а всё остальное время проводил в комнате. Причина была проста: запущенный случай гермафобии.

Жил он в однокомнатной съёмной ухоженной квартире в двадцати минутах ходьбы от ближайшей железнодорожной станции. Это место было единственным, которое Косака мог назвать священным. В его комнате вечно работали два очистителя воздуха, повсюду витал слабый запах антисептика, полы были отполированы настолько тщательно, что казались совершенно новыми, а на полках расположились упаковки с одноразовыми латексными перчатками, хирургические маски, балончики с антибактериальным спреем, влажные салфетки и т.д. Большая часть его одежды и мебели имела белый или схожий с белым цвет, а шкаф был забит новыми рубашками, даже не вынутыми из упаковок.

Руки Косака мыл свыше ста раз за день, из-за чего те ужасно огрубели. Все ногти были аккуратно пострижены, за исключением указательного пальца преобладающей руки, ноготь на котором был оставлен в качестве меры предосторожности на случай, если ему придётся прикасаться к кнопкам лифта или банкомата.

В чистоте своих волос Косака также не был уверен, но при этом стричься ходил очень редко. Он осознавал, что короткая стрижка является более гигиеничной, но держать себя в руках в салонах или парикмахерских ему не удавалось, поэтому он и привык донельзя отращивать волосы.

Пока его с лёгкостью можно было назвать маньяком чистоты, он продолжал зависеть от

обстоятельств. Если вы решите вникнуть в представление таких людей о нечистоплотности, то перед вами откроется ряд некоторых нелогичных убеждений. Яркий пример – те, что называют себя маньяками чистоты, но при этом устраивают в комнате беспорядок.

Образом нечистоплотности для Косаки были другие люди. И речь шла не конкретно о нечистоплотности или неопрятности, а о том, был ли вовлечён посторонний человек в его жизнь. Он бы скорее съел что-нибудь просроченное на неделю-другую, нежели притронулся к еде, к которой прикасался кто-то извне.

Всех, кроме себя, он воспринимал как чашки Петри, в которых культивируют бактерий. Он был уверен, что прикосновение кончика пальца поспособствует распространению микроорганизмов по всему его телу и последующему заражению. Держаться за руки Косака не мог даже с близкими ему людьми. И, конечно, к счастью или же к сожалению, держаться за руки ему всё равно было не с кем.

Излишне говорить, что его брезгливость была главной преградой на пути к нормальной жизни в обществе. Человек, который в окружающих видит лишь грязь, близкие отношения ни с кем построить не сможет. Его желание не взаимодействовать с другими проявлялось по-разному, но раздражало всех одинаково. Он не мог выдавить даже неискреннюю улыбку, он не мог запомнить имена, он не мог смотреть людям в глаза... Он много чего не мог, список можно продолжать и продолжать.

Контакт с окружающими был не чем иным, как страданием. Во времена, когда он ещё ходил на работу, стресс у него вызывало абсолютно всё, а все потребности, кроме сна, будто исчезали.

Некоторые аспекты работы в фирме, такие как собрания и командировки, были сущим адом. Возвращаясь домой с подобных мероприятий, Косака нередко по четыре часа стоял под душем, после чего ложился в кровать и слушал музыку, чтобы перестроить разум. Делал он это также и для того, чтобы убедить самого себя в наличии в мире звуков, достойных услышания, и просто-напросто не вырвать себе уши. В такие дни музыка у него играла всю ночь.

Я не гожусь на роль человека, — серьёзно думал Косака, размышляя о своей непригодности к жизни в обществе. В результате он сбивался с пути вне зависимости от того, где бы ни работал, и увольнялся.

По сути, неоднократные смены рабочего места были частью процесса по уничтожению перспектив на будущее. После нескольких лет взрослой жизни он почувствовал, что его никто не держит за человека. Будто на нём клеймо с надписью «Бесполезный, что бы вы ни делали».

Не то чтобы Косака искал синюю птицу, ведь он с самого начала понимал, что её не существует. И не то чтобы все люди рождались с призванием, однако в конце концов каждый находил определённый выход.

И пока он это понимал, сердце Косаки не собиралось вклиниваться в его жизнь. Мозг с каждым днём изнашивался всё сильнее, а вместе с ним и ухудшались компульсии. В чем больший упадок приходил его разум, тем окружение становилось чище, а комната – стерильнее.

Лёжа на кровати и слушая музыку по радио, Косака с трудом воспроизвёл в голове события, произошедшие несколько часов назад.

Он стоял в супермаркете. На руках были одноразовые латексные перчатки – необходимая мера при посещении магазинов, пронизанных вещами, к которым ему приходилось притрагиваться после того, как это своими липкими руками сделал кто-то другой.

Он совершал покупки, как и всегда, однако в посреди процесса возникло некоторое затруднение. Когда Косака потянулся к полке, чтобы взять с неё бутылку минеральной воды, у него внезапно заболел сустав на указательном пальце. Взглянув на него, он увидел на коже трещинку, из которой сочилась кровь. Обычное явление. Он всегда перегибал палку с мытьём рук, к тому же на дворе стояло сухое время года, поэтому его руки и были столь грубыми и шероховатыми.

Не в силах терпеть ощущение растекающейся по латексу крови, он снял правую перчатку. А затем снял и левую, не желая выглядеть несимметрично, и вернулся к покупкам.

На кассе стояла привычная его глазу девушка, работающая здесь на неполной ставке. Она была вежлива, её волосы имели тёмно-коричневый оттенок, и стоило Косаке выставить на ленту свои покупки, как она одарила его широкой улыбкой. До текущего момента особых проблем не возникало, но когда Косака захотел взять сдачу, девушка, стараясь не рассыпать мелочь, обхватила его кисть своими.

Дело плохо.

Косака тут же машинально отбил её руки. Монеты разлетелись по полу, привлекая внимание покупателей.

Он ошарашенно посмотрел на свою ладонь, проигнорировал торопливо произнесённые извинения кассирши и выбежал из магазина, даже не пытаясь подобрать сдачу с пола. В дикой спешке вернувшись домой, Косака сразу же принял душ. Однако его по-прежнему мучили неприятные ощущения, и перед выходом из ванной он ещё раз тщательно помыл руки.

Восстановив в голове всю последовательность событий, Косака вздохнул. Это было необычно даже по его меркам. Но он просто-напросто не выносил, когда кто-то дотрагивался до его кожи.

Вдобавок ко всему прочему, у Косаки возникали проблемы с женственными девушками, какой и была та, что стояла на кассе. Но это относилось не только к женскому полу; он так же не любил парней, выставляющих свою мужественность на передний план. Людей, относящихся к одному из этих типов, он считал засорёнными. Таковыми были его истинные чувства, хоть они и были свойственны скорее девочке, вступающей в период полового созревания.

В детстве он думал, что эта фобия излечится сама собой, когда он подрастёт, но в реальности ситуация лишь ухудшилась. Так я никогда не заведу себе друзей, о девушке и говорить не стоит, — пробормотал он себе под нос.

Незадолго до десятого дня рождения Косаки этот мир покинула его мать. Всё списали на несчастный случай, но он не переставал считать, что причиной её смерти было самоубийство.

Она была красивой и находчивой женщиной, имела хорошее образование и отлично разбиралась в музыке и кино. До встречи с отцом Косаки она давала уроки игры на электрооргане. Её класс не мог похвастать количеством учеников, однако каждый из них уважал своего учителя, а большая часть из них специально приезжала издалека, чтобы

посетить её занятия.

Косака никогда не мог принять, что такая идеальная женщина в поисках жениха остановила свой выбор на столь бесталанном человеке, как его отец. Он, мягко говоря, был далеко не первого сорта. Его лицо походило на неудачный монтаж неподходящих друг другу деталей, зарабатывал он мало, ничем не увлекался, работу свою ненавидел и, что самое главное, не имел заслуг, которых не было бы стыдно назвать заслугами. Хотя по меркам сегодняшнего Косаки даже обычная жизнь была вполне достойна уважения.

Мать Косаки строго относилась к самой себе и хотела, чтобы таким же вырос и её сын. Сколько он себя помнил, его всегда заставляли ходить на какие-то занятия, а дома он жил согласно поминутно составленному его матерью расписанию. Будучи ребёнком, он думал, что в этом и заключается суть родителей, и беспрекословно выполнял всё, что ему говорили. Стоило ему отказаться, как его тут же босиком выгоняли на улицу или не кормили весь день, так что выбора у него не было.

Факт того, что он не оправдал даже половины возложенных на него ожиданий, мать Косаки скорее озадачил, нежели расстроил. Почему этот ребёнок, моя собственная плоть и кровь, не такой же идеальный, как я? Может, ошибка в моей методике воспитания?

Станным было то, что она ставила под сомнение всё, кроме характера самого Косаки. И являлось это скорее проявлением её извращённого самолюбия, а не родительской заботы. Прежде чем усомниться в собственной плоти и крови, она предпочла поставить под вопрос правильность своих методов воспитания.

Подобно множеству перфекционистов, мать Косаки любила чистоту, и поэтому каждый раз, когда Косака устраивал беспорядок в комнате или приходил с улицы грязным, она чуть ли не начинала плакать. Воздействовало это на него куда эффективнее, чем крики или удары. С другой стороны, когда Косака убирался в комнате или мыл руки, она всегда хвалила его. Это был один из нескольких способов сделать маму счастливой, доступных ребёнку, не отличающемуся ни хорошей учёбой, ни успехами в спорте. Естественно, чистоту он полюбил куда больше, чем дети его возраста. В пределах разумного, конечно.

Отклонения начались в конце лета, Косаке тогда было девять лет. В один день его мама вдруг подобрела, словно её подменили. Как будто сожалея о своём поведении, она отменила все назначенные ранее правила и начала относиться к своему сыну чрезмерно ласково.

Освободившись от всех ограничений и впервые почувствовав безграничную свободу детской жизни, Косака не придал значения резкой смене поведения своей матерью.

Время от времени она аккуратно клала руку ему на голову и начинала гладить его, параллельно повторяя: «Прости». Он хотел узнать, за что она извиняется, но чувствовал, что из-за подобного вопроса мама расстроится, и оттого молчал.

Впоследствии он поймёт: извинялась она не за то, что уже сделала, а за то, что сделать лишь собиралась.

Спустя примерно месяц с перемены её настроения в пользу любящей мамы, она умерла. Возвращаясь с поездки по магазинам, она лоб в лоб столкнулась с превышающим скорость автомобилем.

Естественно, все сочли это несчастным случаем, но Косака кое-что знал. В определённое время суток та дорога становилась идеальным местом для совершения самоубийства. И узнал

он это не от кого иного, как от своей матери.

В день похорон внутри Косаки что-то переменилось. Ночью он несколько часов мыл руки, ибо правая рука, которой он коснулся её тела, вызывала у него нестерпимое отвращение.

На следующее утро, когда он пробудился от некрепкого сна, изменился весь его мир. Косака вскочил с постели и побежал в ванную, после чего долгое время не выходил из душа. Всё вокруг казалось ему грязным. От взгляда на волосы в водостоке, плесень на стенах и пыль на подоконнике по его спине пробежали мурашки.

Так он и превратился в маньяка чистоты.

Сам Косака не видел прямой связи между смертью матери и его брезгливостью. То был лишь катализатор, не более. Не умри она, это чувство пробудило бы какое-нибудь другое событие. Просто оно всегда было во мне.

<http://tl.rulate.ru/book/5373/96694>